

УДК 008

Бесценный дар культурного наследия

В.Л. Кургузов

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, ул. Ключевская 40В,
Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия
vllkurguzov@rambler.ru

Статья получена 30.07.2014, принята 17.09.2014

В статье повествуется об открытии тайны появления самой древней письменности на Земле. В научной аналитике долгое время считалось, что первыми образцам письменности как важнейшего фактора культуры любого народа были египетское или шумерское письмо. На самом деле, как утверждает автор статьи, первыми образцами письменности были китайские иероглифы, нанесенные на панцири черепах. В контексте этого поднимается проблема актуализации изучения истории возникновения славянской письменности, которая возникла, по мнению автора, задолго до появления кириллицы и глаголицы.

Ключевые слова: человек, народ, культура, язык, слово, письменность, традиция, иероглиф, черепаший панцирь.

Invaluable gift of culture heritage

V.L. Kurguzov

East Siberia State University of Technology and Management, 40V Kluchevskaya St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia
vllkurguzov@rambler.ru

Received 30.07.2014, accepted 17.09.2014

The article considers discovering of the mystery of the emergence of the earliest writing system on the Earth. For a long time scientific analytics has believed that the first patterns of a writing system as the most important factor of any nation's culture were Egyptian and Sumerian scripts. In fact, according to the author's opinion, the first patterns of a writing system were Chinese characters drawn on tortoise shells. Within the framework of this matter under discussion, the problem of actualizing the study of the history of the emergence of the Slavic writing system is brought up. The author of the article holds the opinion that the Slavic writing system emerged long before Cyrillic and Glagolitic scripts.

Keywords: a human being, nation, culture, language, word, writing system, tradition, hieroglyph, tortoise shell.

Библейская истина гласит: «В начале было Слово...». Однако для того, чтобы услышать его в безмерном пространстве и времени, нужна письменность – особая система

знаков, нанесенных на камень, керамику, дерево, шкуры животных, металл, бумагу или на другой материал. В ходе истории человечества письменность заняла свое достойное место не только в образовании, науке, искусстве, литературе, но и во всех формах аудиовизуальных средств, дающих возможность передавать информацию на огромные расстояния.

Каждый народ имеет свою письменную систему, свою письменную традицию. Мои многократные поездки в Китай, научное руководство китайскими аспирантами, тесное сотрудничество с китайскими культурологами породили интерес к удивительному миру возникновения иероглифов как феномену культуры Китая. О возникновении этого феномена и пойдет речь в ниже публикуемой статье.

Началось все давно, еще весной 1982 года, когда в Токио прошла третья конференция круглого стола представителей советской и японской общественности. В ее работе приняли участие около 500 советских и японских делегатов: политические деятели, представители деловых кругов, руководители и активисты общественных организаций, ученые, журналисты, деятели культуры и искусства. Мне посчастливилось быть участником этого форума и познакомиться с выдающимися людьми своего времени. Среди них был и известный журналист-международник Вс. Овчинников, автор популярных до сих пор книг «Ветка сакуры», «Корни дуба» и других, которого все знают как японоведа. Между тем, он прежде всего авторитетный *китаевед*, который, будучи еще молодым человеком, многие годы жил и работал собственным корреспондентом газеты «Правда» в Китае.

Однажды на одном из заседаний научной секции нам с ним поручили вести протокол выступлений: он записывал выступления японцев, а я – русскоязычных делегатов. Не помню с какой стати, но в перерыве у нас зашел разговор о различиях иероглифов в письменности японцев и китайцев, и Овчинников поведал мне притчу, которую я тогда кратко записал в своем дневнике.

«Давным-давно, в III веке до н. э. в Китае жил человек с четырьмя глазами (символ прозорливости), которого звали Цан Цзе. Он слу-

жил при дворе у императора Хуан-ди. Вдохновившись отпечатками лап птиц и зверей на земле, следами от когтей медведей в каменных пещерах, он создал набор письменных знаков, послуживших основой для дальнейшего развития иероглифической письменности. Говорят, что в день создания китайских иероглифов Небо и Земля застыли от благоговения перед величайшим открытием. С небес посыпались рисовые зерна, а ночью злые духи расплакались от страха».

Когда я спросил журналиста, откуда он узнал эту историю, он ответил, что такое описание магического действия, связанного с созданием иероглифической письменности, приводится в первом китайском словаре, датируемым II веком до н. э. Затем я почти забыл об этой притче, но интерес к ней вдруг снова возник уже в наши дни.

Дело все в том, что последние два десятка лет я бываю в Китае практически каждый год – либо в научных командировках, либо по приглашению моих бывших аспирантов-китайцев, защитивших свои диссертации в совете, который я возглавляю, либо на отдыхе.

Как ученый-культуролог, историк и, более того, член Международной комиссии исследований культуры ЮНЕСКО, я в беседах с моими коллегами – китайскими культурологами и историками стал чаще и чаще возвращаться к этой загадке. Но в конце концов понял, что хотя нам и не суждено узнать, насколько достоверна рассказанная выше история, однако этот миф бытует в Китае уже на протяжении нескольких тысячелетий, служа как минимум свидетельством того, что появление иероглифов всегда считалось великим событием не только в *истории культуры* Китая, но и *истории мировой культуры* в целом.

Китайские иероглифы, которые восходят к гадательным надписям на черепаших панцирях и костях животных, священные письмена Древнего Египта и шумерская клинопись – это три самые древние в мире системы письменности. К сожалению, египетское письмо и шумерская клинопись не смогли сохранить преемственность в поколениях и канули в Лету. И только китайцы да японцы, как и в прежние времена, до сих пор используют иероглифы. Причем, система китайского письма осталась практически

неизменной на протяжении более трех с лишним тысячелетий, хотя, разумеется, многие современные китайские иероглифы по внешнему виду несколько отличаются от первоначального написания.

Может быть, имеет смысл подчеркнуть, что люди давно привыкли к тому, что выдающиеся открытия, как правило, делаются в области естественных наук. Факт этот не требует особых доказательств. Но он совсем не означает, что поистине уникальные научные достижения не могут быть достигнуты в области гуманитаристики. Об одном таком ошеломляющем открытии мне и хотелось бы поведать читателю.

Осенью 1899 года высокопоставленный чиновник «Гоцзыезянь» (Академии сынов государства) по имени Ван Ижун (1845-1900 гг.) заболел малярией. Осмотрев больного, врач выписал ему китайские лекарства, за которыми тот отправился в аптеку, расположенную неподалеку от его дома. Разбирая лекарства, прописанные ему врачом, Ван Ижун неожиданно увидел некие «кости дракона» (по-китайски «лунгу»), которые издревле применялись для лечения всевозможных недугов. Будучи знатоком древнекитайских надписей, и особенно ритуальных надписей на бронзе, Ван Ижун, к своему большому удивлению, обнаружил, что на костях, которые больному было положено принимать в истолченном виде, вырезаны стройные ряды разнообразных знаков, напоминавшие древние письмена. Заинтригованный своим открытием, он тут же послал помощника в аптеку «Даженътан» и за баснословные по тем временам деньги – два лянна серебра за одну кость (между прочим, за два лянна в конце XIX века в Китае можно было купить быка) – выкупил все имеющиеся в наличии «лунгу».

В последующие дни чиновник как одержимый скупал такие кости в аптеках и антикварных магазинах, собрав таким образом более 1500 «костей дракона». После тщательного изучения Ван Ижун понял, что так называемые «кости дракона» представляют собой обломки черепаших панцирей и лопаточных костей быков, а вырезанные на них знаки – не что иное, как древние иероглифы.

Трещины на поверхности «лунгу» появились в результате нагрева до высокой температуры панцирей и костей с предваритель-

но сделанными углублениями и отверстиями. Данное открытие чрезвычайно обрадовало Ижуна, так как оно позволило проследить историю китайской иероглифики до еще более раннего периода. Чиновник пришел к выводу, что вырезанные на костях письмена относятся ко времени правления династии Шан (1600-1046 гг. до н. э.).

Нужно подчеркнуть, что в XIX веке многие зарубежные ученые считали данный период в истории Китая мифическим, так как, за исключением некоторых образцов древней эпиграфики на бронзе, в то время не было обнаружено никаких других письменных свидетельств о существовании династии Шан. Письмена на «костях дракона» впоследствии получили названия «цзягувэнских» («цзягу» – черепаший панцирь и кости, «вэнь» – письменность). Они стали самым ранним письменным языком в Восточной Азии. Можно с полной уверенностью утверждать, что «цзягувэнь» является прародителем современной иероглифической письменности Китая.

Спустя долгие годы, в результате археологических раскопок и исследований ученые пришли к выводу о том, что надписи на «лунгу» были связаны с сакральными функциями гадания. Перед каждым гаданием в черепашем панцире с обратной стороны проделывалось отверстие, после чего гадатель, изложив обращенную к духам просьбу, бросал щиток в огонь. В результате накаливания щиток покрывался трещинами, по конфигурации, размеру и толщине которых гадатель предсказывал различные события.

После совершения гадания на щитке с помощью ножа вырезались цель и результат гадания, а сделанная таким образом надпись на щитке называлась «буцы» («бу» – гадать, «цы» – слово). Черепаший панцирь и лопатки животных с вырезанными «буцы» хранились в качестве архива в специальных земляных ямах и передавались как архив правителя из поколения в поколение.

К сожалению, в городах Китая мне не удалось увидеть эти панцирные кости в качестве музейных экспонатов (видимо, они находятся в особых хранилищах) но зато практически в каждом музее есть их фотография. Последний раз я их увидел в музее города Хайлара. Говорят, что все они имеют цвет слоновой кости, но из-за того, что они

на протяжении тысячелетий хранились в земле, их поверхность потемнела и приобрела оттенок тусклого золота. В этих панцирях и костях еще много загадочного и пока что необъяснимого. Ученые (не только Китая) до сих пор теряются в догадках, при помощи какого инструмента были сделаны углубления? Остается неизвестным и то, откуда древние китайцы добыли такое множество черепаших панцирей и лопаточных костей.

Весьма примечательно, что обнаружение «цзягувэнь» вызвало огромный резонанс не только в научных кругах, но и во всех слоях китайского общества. Антиквары и торговцы антикварными вещами держали в строгом секрете места, откуда к ним попали «кости дракона», и даже специально обманывали покупателей, говоря, что привозят кости из Таньяна и Вэйхуэя провинции Хэйнань. И только в 1908 году китайский ученый-палеограф Ло Чжэньюй (1866-1940 гг.) узнал, что черепаши панцири с надписями на самом деле были найдены при раскопках вокруг деревни Сяотунь в уезде Аньян провинции Хэйнань. Он тут же отправил туда своих родственников, чтобы купить как можно больше щитков, а через некоторое время и сам приехал с инспекцией в Аньян. Собрав около 20 тыс. обломков черепаших панцирей и костей животных, ученый в 1913 году издал книгу «Иньские надписи», на страницах которой представил вниманию читателей свыше 2 тысяч наиболее важных щитков с «цзягувэнь». Именно этот научный труд и заложил основу для изучения данной письменности исследователями всего мира.

Начиная с момента обнаружения «цзягувэнь» и до настоящего времени в мире собрано около 200 тыс. обломков черепаших щитков, содержащих гадательные надписи. К сожалению, ученые смогли разгадать смысл написанного лишь на немногих щитках. Так, например, на 159 тыс. обломков панцирей, найденных при раскопках шанской столицы вблизи города Аньян, было опознано около 5 тысяч смысловых знаков, а расшифровано менее двух тысяч.

В последние три десятилетия ученые установили значения еще нескольких знаков, но их работы были встречены критически и не получили пока что всеобщего признания. Так что вовсе не удивительно, что, как ут-

верждают сами китайцы, разгадка каждого знака письменности «цзягувэнь» приравнивается в научном мире к обнаружению новой планеты.

Письменные знаки китайцы всегда относили к сфере сакрального, наделенного высшим смыслом, а письменность выступала главным каналом как средство общения китайцев с духами и предками, из-за чего люди не смели бездумно выбросить даже ненужный листок бумаги, исписанный иероглифами. У нас же такое трепетное отношение китайцев к надписям, сделанным их далекими предками, вызывает глубокое уважение, ибо в этом проявляется искренняя любовь китайцев к освоению ценностей культурного наследия своего народа. А преклонение перед иероглифами, в свою очередь, постепенно трансформировалось в комплексное уважение китайцев к ценностям знания вообще и письменного знания в частности.

Не потому ли филологические науки в современном Китае получили значительное развитие и по сей день наделены самым высоким статусом?

К сожалению, в современной России мы настолько дореформировали систему образования, что породили уже целое поколение молодых людей, которые толком не знают даже русского языка, тем более – происхождения своей национальной письменности.

Появление письменности на Руси мы связываем с именами византийских монахов Кирилла и Мефодия. Однако есть немало не только косвенных, но и прямых доказательств того, что русская письменность существовала уже до появления *кириллицы* и *глаголицы*. Жаль, что загадка эта почему-то не очень увлекает наших ученых-гуманитариев. Например, они, как правило, не акцентируют свое внимание на том очевидном факте, что трехсотлетнее правление династии Романовых (пришедших, кстати, из Германии) ознаменовалось максимальными усилиями по фальсификации истории Руси.

Так, царь Петр I хотя и известен своими усилиями по укреплению Руси, но именно он своей отменой древнего русского календаря, по сути дела, украл 5 тысяч лет великой истории русского народа. Получается, что до прихода кириллицы русы были не

просто безграмотными, а первобытными варварами.

Между тем, в Древней Руси существовало семь видов письменности, каждая на свой случай жизни: руническая письменность, черты и резы (берестяная грамота), узелковая грамота, святорусское письмо – буквица, глаголица (торговое письмо), всеясветная грамота (многомерная пространственная «письменность»), предметно-знаковое письмо. Разве это не весомый аргумент для изучения нашего великого культурного наследия и воспитания молодежи в духе любви к своей Родине и к ценностям ее национальной культуры?

Доказательства того, что еще в языческие времена, до установления связей с Византией, до принятия христианства у славян существовала письменность, присутствуют в целом ряде литературных и материальных источников.

Так, в X веке болгарский ученый монах Черноризец Храбр составил «Сказание о письменах», в котором изложил историю славянской азбуки: «Прежде убо славяне неумеху книг, но чертами и резами чьетеху и гатааху (считали и гадали) поганее суци (будучи язычниками)».

О наличии письменности у древних славян пишут и арабские путешественники и ученые X века Ибн Фадлан и Ибн-ан-Надин. Первый из них, побывавший у волжских болгар в 921 году, присутствовал при обряде погребения одного руса. После того, как тело его было сожжено на костре, повествует Ибн-Фадлан, русы «построили ... нечто подобное круглому холму и водрузили в середине его большую деревяшку... белого тополя (скорее всего, березы, т. к. она у арабов не растет, и они называли ее «белым тополем». – В. К.), написали на ней имя этого мужа и имя царя руссов и удалились».

Как же они эти имена записали задолго до появления кириллицы?

В «Книге росписи наукам» арабский ученый X века Ибн-ан-Надим, ссылаясь на рассказ посла одного из кавказских князей князю руссов (987 г.), пишет: «Мне рассказывал один, на правдивость которого я полагаюсь, что один из царей горы Кабк (Кавказских гор) послал его к царю руссов. Он утверждал, что они имеют письмена, вырезанные на дереве... Он показал мне кусок бело-

го дерева, на котором были изображения, не знаю, букв или отдельных слов». Тут же Ибн-ан-Надим приводит зарисовку этой надписи, которая не расшифрована до сих пор и не похожа ни на один из имеющихся алфавитов, не имеет сходства ни с латинским, ни с греческим письмом.

Доказательством существования у славян дохристианской письменности служат и некоторые памятники материальной культуры:

во-первых, загадочные «причерноморские знаки», открытые еще в середине XIX века в Херсоне, Керчи, Ольвии и в других местах греческих поселений;

во-вторых, загадочные знаки на предметах быта – горшках, кувшинах, медных бляхах, свинцовых пломбах и монетах;

в-третьих, о существовании у славян в дохристианский период алфавитного письма свидетельствуют письменные договоры славянских князей с Византией, относящиеся к VIII – V в.

Договоры писались на двух языках – греческом и славянском. Из договора князя Олега с греками (911 г.) явствует, что древняя «дружба» между христианами-греками и языческой Русью «многажды» была подтверждена «не только словом, но и писанием».

О наличии у славян алфавитного письма говорит также известный факт из биографии Кирилла, изобретателя славянской азбуки, о котором сообщается в VIII главе «Панонского жития Кирилла». В ней, в частности, рассказывается, что Кирилл во время своего путешествия к хазарам в конце 50-х – начале 60-х годов IX века «обрел в Херсон "Евангелие" и "Псалтырь", написанные русскими буквами» («роусьскими письмены писано»). Затем он встретил там человека, говорящего по-русски, беседовал с ним и вскоре, к удивлению своих спутников, начал читать и говорить по-русски.

Как бы в подтверждение этого факта, в одной из русских рукописей XV века («Толковой Палее») говорится: «А грамота русская явилася, богом дана, в Карсуне (Херсоне) русину, от него же научился философ Константин (Кирилл) и оттуда сложив и написав книги русским языком».

Но все же, создателями упорядоченной славянской азбуки были два греческих ученых-монаха – Кирилл (826-869 гг.) и Мефодий (820-885 гг.).

Литература

1. Баренбаум И.Е., Давыдова Т.Е. История книги. М., 1971. 463 с.
2. Ван Фан. Удивительный мир китайских иероглифов // Китай. 2012. № 4. С. 37.
3. Кургузов В.Л. Язык искусства: монография. Улан-Удэ, 1996. С. 14-16.
4. Лихачев Д.С. Культура русского народа X – XVIII вв.: монография. М., 1961.
5. Шу Кэ. Ошеломляющее открытие // Китай. 2012. № 4. С. 38-39.

УДК 796

Улан-Удэ: вектор изменений культуры повседневности (субъективный взгляд на проблему)

В.Л. Кургузов

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, ул. Ключевская 40В,
Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия
vlkurguzov@rambler.ru

Статья получена 30.07.2014, принята 17.09.2014

В статье выражена позиция автора по отношению к тем изменениям, которые произошли за полвека в культуре повседневности одного из городов Восточной Сибири – Улан-Удэ. Свой город автор воспринимает как некий живой организм, который живет по своим законам. Однако изменения в его культуре повседневности типичны для многих городов не только Сибири, но и России в целом.

Ключевые слова: культура, повседневность, праздник, город, молодежь, ночь, человек.

Ulan-Ude: vector of culture changes in everyday life (subjective view at the issue)

V.L. Kurguzov

East Siberia State University of Technology and Management, 40V Kluchevskaya St., Ulan-Ude,
Republic of Buryatia, Russia
vlkurguzov@rambler.ru

Received 30.07.2014, accepted 17.09.2014

The article expresses an author's opinion about culture changes in everyday life of one of the Eastern Siberian cities Ulan-Ude happened for the last 50 years. The author takes his home town as a living creature with its own laws. However, these culture changes in everyday life of the city are typical for many cities and towns not only in Siberia but in Russia on the whole, too.

Keywords: culture, everyday life, holiday, city, the young, night, person.

И в каплях слез улыбается солнце
(Японская пословица)

В общественном мнении с незапамятных времен устоялся стереотип полного доверия только к объективным выводам и суждени-

ям. Объективность любит власть, любят хозяйственные руководители, любят учителя на экзаменах, словом, все окружающие нас